

МАСТЕРАПСИХОЛОГИИ

Эрик Эриксон
Джоан Эриксон

ПОЛНЫЙ ЦИКЛ ЖИЗНИ

Мастера психологии (Питер)

Эрик Эриксон

Полный цикл жизни

«Питер»

1997

УДК 159.964.2
ББК 88.37+88.6

Эриксон Э.

Полный цикл жизни / Э. Эриксон — «Питер», 1997 — (Мастера психологии (Питер))

ISBN 978-5-4461-2403-9

Перед вами расширенное издание последней работы знаменитого психолога Эрика Эриксона, охватывающее весь жизненный цикл человека, которое осуществлено благодаря его жене и коллеге Джоан Эриксон. Она участвовала в разработке концепции восьми стадий человеческого развития, и сам Эриксон признавал, что не может отличить свой вклад в эту работу от вклада жены. То, чего не удалось охватить Эриксону за всю свою жизнь, полную замечательных достижений, - это девятый этап, очень преклонный возраст. По мере увеличения продолжительности жизни человека этот этап приобретает все большее значение для многих людей, обеспокоенных качеством и характером повседневной жизни в старости. Джоан Эриксон, которой было за девяносто в момент создания книги, мастерски рассказывает о специфических проблемах и радостях пожилого возраста, расширяя видение Эрика Эриксона о развитии человека на его основных этапах. Джоан пишет об особых трудностях, с которыми сталкиваются люди в преклонном возрасте, обрисовывает в общих чертах важнейшую роль, которую надежда и вера должны играть в жизни восьмидесятилетних и девяностолетних, и пересматривает концепцию мудрости. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 159.964.2
ББК 88.37+88.6

ISBN 978-5-4461-2403-9

© Эрикссон Э., 1997

© Питер, 1997

Содержание

Предисловие к расширенной версии	7
Восьмая стадия	9
Предисловие к первому изданию	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Эрик Эриксон, Джоан Эриксон

Полный цикл жизни

© ООО Издательство "Питер", 2024

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Предисловие к расширенной версии

Представленная здесь расширенная версия книги «Жизненный цикл завершен», в отличие от более раннего издания, содержит описание элементов девятой стадии жизненного цикла, отсутствующей в оригинальной концепции психосоциального развития Эрика Эриксона. Появление в книге нового материала требует небольшого автобиографического комментария.

Прежде чем говорить о восьмой стадии жизненного цикла, как мы с Эриком себе ее представляли, я бы хотела поделиться с вами историей о том, как возникла сама идея этой стадии.

В конце сороковых годов, живя в Калифорнии, мы получили приглашение выступить с докладом о возрастном развитии на конференции в Белом доме, посвященной вопросам детей и юношества в середине XX века. Наш доклад должен был называться «Growth and Crises of the Healthy Personality» («Развитие и кризисы здоровой личности»).

Мы принялись за работу с огромным энтузиазмом. Эрик сам несколько лет занимался практикой детского психоанализа и находился в Калифорнии именно потому, что участвовал в долгосрочном исследовательском проекте Калифорнийского университета в Беркли, посвященном проблемам детства. Я занималась воспитанием наших троих детей и домашним хозяйством. Мы были убеждены, что знаем все о ранних стадиях развития и уж тем более о трудностях и задачах среднего возраста, в котором мы оба пребывали, о браке и родительстве. Поразительно, каким самонадеянным всезнайкой может чувствовать себя человек, находясь в круговороте «непереваренных» взаимоотношений.

Тщательно подобранные слова были вписаны в вычерченные ячейки схемы – весь жизненный цикл мы поместили на один бумажный лист. Никаких уточнений и определений мы не давали. Со временем схема разрослась и, конечно же, наполнилась солидным содержанием. Я всегда была убеждена, что схему жизненного цикла нужно рассматривать в переплетении всех элементов или, что еще полезнее, перенести эти элементы самостоятельно.

Незадолго до конференции в Белом доме Эрик был приглашен представить свои «стадии» перед группой психологов и психиатров в Лос-Анджелесе. Это была прекрасная возможность обсудить и опробовать на специалистах подготовленный для конференции материал. Мы планировали доехать до ближайшей железнодорожной станции, где Эрик должен был сесть на поезд до Лос-Анджелеса. Я же должна была сразу же вернуться оттуда домой к детям.

Поездка из Беркли-Хиллз до железнодорожного вокзала в Южном Сан-Франциско была довольно долгой, и мы использовали это время, чтобы обсудить и доклад, и схему. Тогда же мы с радостью отметили, что, когда Шекспир писал свои великие «Семь возрастов человека», он ни одним словом не упомянул стадию игры, третью стадию в нашей более полной модели. Какой странный парадокс! Невероятно, чтобы он был так слеп, что не увидел, какое значение имеет игра в жизни каждого ребенка и каждого взрослого. Какими мудрецами мы себя чувствовали!

Я позволю себе напомнить вам, что гениальный бард пишет о возрастах человека. Обратите внимание, какую удручающую картину старости он рисует.

Весь мир – театр
В нем женщины, мужчины – все актеры.
У них свои есть выходы, уходы,
И каждый не одну играет роль.
Семь действий в пьесе той. Сперва младенец,
Ревущий горько на руках у мамки...
Потом плаксивый школьник с книжной сумкой,

С лицом румяным, нехотя, улиткой
Ползущий в школу. А затем любовник,
Вздыхающий, как печь, с балладой грустной
В честь брови милой. А затем солдат,
Чья речь всегда проклятьями полна,
Обросший бородой, как леопард,
Ревнивый к чести, забияка в ссоре,
Готовый славу брENNую искать
Хоть в пушечном жерле. Затем судья
С брюшком округлым, где каплун запрятан,
Со строгим взором, стриженной бородкой,
Шаблонных правил и сентенций кладезь, —
Так он играет роль. Шестой же возраст —
Уж это будет тощий Панталоне,
В очках, в туфлях, у пояса – кошель,
В штанах, что с юности берег, широких
Для ног иссохших; мужественный голос
Сменяется опять дискантом детским:
Пищит, как флейта... А последний акт,
Конец всей этой странной сложной пьесы —
Второе детство, полузабытье:
Без глаз, без чувств, без вкуса, без всего¹.

Держа на коленях нашу схему, пока Эрик вел машину, я вдруг почувствовала, что что-то в ней не так. Шекспир, как и мы, назвал семь стадий, но он пропустил одну очень важную. Может быть, и мы что-то упустили? И тут с поразительно ясностью я поняла, в чем же мы ошиблись: мы забыли «нас», наших детей и новую книгу Эрика «Детство и общество». Наша схема семи стадий жизненного цикла сразу после «Интимности» (стадия шесть) перепрыгивала к «Старости» (стадия семь). Конечно же, между шестой и седьмой стадией должна была быть еще одна, но какая? Времени оставалось мало. Но вскоре решение было найдено, и седьмой стадией стала «Генеративность/стагнация», за которой уже следовала «Старость» с ее силой мудрости и цельности, формирующимися к восьмой стадии.

Сложно осознать, в какой точке жизненного цикла ты находишься и какие перспективы перед тобой открываются, будучи внутри одного из них. Признали ли мы собственную старость, когда она приблизилась к нам? Очень, очень медленно мы стали осознавать особенности восьмой стадии.

¹ Шекспир Уильям. Как вам это понравится. Акт 2, сцена 7 / Пер. Т. Щепкиной-Куперник // Шекспир У. Полное собрание сочинений в 8 т. Т. 5. – М.: Государственное изд-во «Искусство», 1959. – С. 47–48.

Восьмая стадия

Согласившись с присутствием генеративности в нашей схеме, после выступления на конференции в Белом доме мы вновь с головой погрузились в воспитание детей, путешествовали, искали гранты, занимались научными исследованиями и другими многочисленными делами. Несмотря на то что постепенно энергии становилось все меньше, мы продолжали гонку, пока старость не дала о себе знать по-настоящему. Некоторое время мы не принимали всерьез ее сигналы, и друзья поддерживали нас в нашей беззаботности.

Когда Эрик написал свой «Жизненный цикл завершен», он еще не вступил в свое девятое десятилетие. Лишь после восьмидесяти мы начали признавать свой статус стариков. И мне кажется, мы не сталкивались с трудностями возраста до того, как подошли к своему девяностолетию.

До этого момента в нашей жизни не было неразрешимых проблем. Но когда нам стукнуло девяносто, мы проснулись в чужой стране. Все предвестники старости, которые совсем недавно мы находили странными или даже забавными, вскоре обернулись неизбежной – и довольно неприятной – реальностью.

На стадии инеративности нельзя представить себе, что дорога когда-то будет пройдена до конца, и ты как должное принимаешь время, которое у тебя впереди. В девяносто лет перспектива меняется – она ограничена и неясна. Смерть, когда-то предполагаемая, но не вызывавшая особой тревоги, теперь подобралась совсем близко.

Мы были женаты уже шестьдесят четыре года, когда Эрику исполнилось девяносто один. После перенесенной операции на тазобедренном суставе он углубился в себя и тихо отошел от дел. Он не впал в депрессию или растерянность, а остался наблюдательным и благодарным по отношению ко всем, кто о нем заботился. Всем нам следует принимать свою старость с такой мудростью и благородством. Теперь, когда мне исполнилось девяносто три года, я испытываю множество неизбежных проблем медленного старения. Я занимаюсь делами, я умиротворена и я благодарна. Я очень хочу довести до конца переосмысление последней стадии, пока эта задача не станет для меня непосильной.

После публикации в 1982 году книги «Жизненный цикл завершен» Эрик внимательно перечитал ее от корки до корки, снабдил своими замечаниями, которые он вписывал красной, черной и синей ручкой.

По счастливой случайности я обнаружила его собственную копию. Это случилось незадолго до его смерти. Не было ни одной страницы, которые он не отметил бы подчеркиванием, восклицательными знаками или замечаниями. Только настоящий художник может быть таким решительным и честным по отношению к своему труду.

Эрик всегда педантично относился к своим текстам, и в этот раз он критически прошелся по всем страницам опубликованной книги. Некоторое время я раздумывала, что он хотел сказать. Как его решительные комментарии меняли наше прежнее понимание жизненного цикла?

Моей целью обращения к восьмой стадии нашей схемы жизненного цикла – и нашей с Эриком жизни – и приписываемым ей силам является прояснение некоторых существенных неточностей. Мои комментарии соответствуют утверждению Эрика о том, что пересмотр «нашей попытки завершить весь цикл в течение нашей жизни, безусловно, выглядит приемлемым и обоснованным»². В начале 1940-х годов, когда мы впервые подбирали слова, чтобы обозначить добродетели, присущие каждому возрасту жизненного цикла, мы использовали слова «мудрость» и «цельность» для характеристики финальных сил, полностью созревающих в старости. Первоначально мы рассматривали понятие «надежда», потому что надежда

² The Life Cycle Completed, p.9.

– основа выживания, необходимое условие формирования всех остальных человеческих сил. Но поскольку надежда живет в нас с самого начала, с момента младенчества, живет долгие годы, то для ее вызревания очевидно не нужно столько времени. Назвав мудрость и цельность силами старости, мы теперь должны доказать, что выбор был сделан нами правильно.

Слова «мудрость» и «цельность» – из тех громких слов, которые ассоциируются с конкретными личностями, отлиты в бронзе, вырезаны в камне и дереве. Говоря об этих добродетелях или силах, сразу вспоминаешь внушительные скульптурные произведения, которые их воплощают: такие, как Свобода с факелом, устремившая свой взгляд вдаль; Правосудие с завязанными глазами и весами в одной руке; всепроникающие Вера, Надежда, Любовь. Мы молчаливо воспеваем их в камне, гипсе и металле и почитали с благоговением.

Мне кажется, что отношение старости к «мудрости» и «цельности» совершенно неправильно, если только оно не наполнено в первую очередь абсолютно земным смыслом. Эти добродетели превратились в нечто слишком возвышенное и неопределенное. Следует сделать их более реалистическими.

Мы должны извлечь из них их настоящий смысл. Так, мудрость – это не только тома научной информации, наполненные фактами и формулами. Определения, приведенные в простом словаре для студентов, также не исчерпывающи («Мудрость – качество или состояние, способность различать истинное и ложное, сочетающееся со здравомыслием; научные знания и образование, мудрые высказывания или учения»). Нам же необходимо докопаться до самых корней, до самой сердцевины того, что составляют «мудрость» и «цельность». Оксфордский словарь английского языка безжалостно упрощает эти слова, предлагая нам старые, избитые значения. Одолев десятки строк мельчайшего шрифта, мы находим *слово*, из которого, как из руды или зернышка, родилось славное слово *wisdom* (мудрость). Корнем, породившим его, стало *vēda*, то есть «видеть, знать».

Слово *vēda* отсылает нас к древним мифам и загадочным посланиям священных текстов на санскрите, носящих общее имя «Веды». «Веды» – это воплощение вечных поисков знаний и мудрости. Сами «Веды» и их мудрость сначала были даны через зрение и слух.

Мы принимает этот великий дар – способность видеть – как само собой разумеющееся до тех пор, пока он не перестает служить нам так, как мы желаем. Мы можем обернуться назад, на свое прошлое, и этот взгляд помогает нам понять свою жизнь и мир, в котором мы живем. Мы смотрим вперед, и этот взгляд может как обмануть, так и дать нам надежду; но без перспективы будущего жизнь наша теряет смысл. У нас, американцев, есть одна легкомысленная привычка, как ни странно, связывающая нас с древней мудростью. Когда мы подтверждаем, что поняли то, что сказал собеседник, мы говорим «I see» – то есть «я вижу», то есть понимаю. Одновременно мы с большим пиететом относимся к таким словам, как *enlightenment* (просвещение), *discernment* (проницательность), *insight* (озарение), – все они относятся к способности видеть, к зрению.

Нам, обладающим этим даром, невозможно представить себе жизнь без него, так что мы стараемся даже не думать о такой возможности. Вероятно, те, кто обделен им, способны развить другие свои способности: слышать, обонять, осязать, распознавать на вкус. Кто знает, какую мудрость дают им эти качества. Возможно даже, что они думают, что наша зависимость от собственного зрения лишает нас чего-то существенного.

Так или иначе, зрение позволяет нам ориентироваться и интегрироваться в месте нашего пребывания на земле, перемещаться, находить пропитание, взаимодействовать с другими людьми, с животными и природой. Все, что от нас требуется, – это научиться смотреть на мир широко открытыми глазами и настроить свой слух, чтобы улавливать каждый сигнал и понимать его значение.

С восторгом обнаружив коренное значение слова «мудрость», я сделала еще одно открытие. Многие тысячи лет слова «ухо» и «мудрость» в шумерском языке предположительно обо-

значались одним словом. Вероятно, что таким словом было «энки» (enki), поскольку таково было имя бога мудрости шумеров: «С Великих небес к Великим недрам богиня ухо свое обратила, мудрости орган»³. Если мудрость передается не только визуально, но и через звук, тогда она есть в пении, и в ритмических жестах, и в танцах. Звук обладает энергией, но может успокаивать, озарять светом, информировать, мотивировать. Звук предлагает нам большие возможности: мудрость наша крепнет, опираясь, в том числе на слуховое восприятие.

Теперь мы видим, что мудрость принадлежит миру объективной реальности, доступному нам благодаря нашим чувствам. При помощи зрения и слуха, обоняния, осязания, вкусовых ощущений мы постигаем этот мир, как постигают его животные, обладающие всеми этими чувствами. Эти бесценные источники информации со временем могут потерять в качестве, однако бодрый ум хранит информацию и извлекает ее тогда, когда она нужна. Мудрость направляет слух, зрение, способности на то, что значимо, надежно, актуально и эффективно как для каждого из нас, так и в целом для общества, в котором мы живем.

Второй атрибут, приписываемый старости, столь же возвышенного свойства, что и мудрость, при этом значение его еще более туманно. Не будем искать значение слова «цельность», глядя на статуи и памятники великих и бессмертных, а лучше снова заглянем в словарь, где найдем наиболее содержательное описание.

После перечисления множества слов, из которых могла родиться «цельность» – «integrity», параграф неожиданно заканчивается словом «такт». Ищем производные этого элемента: контакт – «contact», нетронутый – «intact», тактильный – «tactile», осязаемый – «tangible», сцепление – «tack» и даже прикосновение – «touch»; то есть нечто телесное, связанное с нашим телом и нашими чувствами. С их помощью мы конструируем научные системы, придаем форму материалам, откликаемся на возвышенные, мощные и мудрые послания земли и небес. Мы живем, движемся и взаимодействуем друг с другом в реальном мире. Без контакта нет роста, без контакта невозможна жизнь. Независимость – это заблуждение.

Такой подход к определению цельности позволяет оживить молчаливые и неподвижные статуи. Грубейшей несправедливостью было бы считать цельность благородным девизом, вышитым на знамени, которое разворачивают в подходящих ситуациях. Цельность обладает функцией связи с миром, с вещами этого мира, а главное – с людьми. Это осязаемый и ощущаемый способ проживания, а не просто высокая, благая цель, которую нужно стремиться достичь. Когда мы говорим о чьей-то работе, что она обладает цельностью, эта высшая ее оценка, потому что такая работа демонстрирует способность объединять людей. Она не эфемерна, а устойчива и надежна. Это есть подтверждение значимости зрения и слуха и умения использовать наши чувства.

Цельность – удивительно сложное слово. Оно не требует ни напряженных дискуссий, ни натужных усилий, лишь каждодневный контроль больших и малых дел с предельным вниманием к деталям, которые делают прожитый день прекрасным. Это так ясно и просто, но так трудно.

Теперь, когда мы прояснили для себя смысл термина «цельность», попробуем определить, что он означает для тех людей, которые находятся на восьмой стадии. Начнем с того, что если на более ранних этапах эта недостижимая добродетель сияла где-то на горизонте, то теперь она присутствует постоянно в нашей повседневной жизни. Она объединяет наше человеческое существо со всем реальным, окружающим миром: со светом, звуками, запахами, со всеми живыми существами. Люди и вещи вокруг обретают огромное значение, куда большее, чем раньше. Каждая встреча сулит неожиданное вознаграждение, наполнена особым смыслом и дает новые возможности.

³ Diane Wolkstein and Samuel Noah Kramer, *Innana, Queen of Heaven and Earth* (New York: Harper & Row, 1983, pp. 155–56).

Когда я размышляю над этими по-новому осмысленными и гораздо более древними значениями слов «цельность» и «мудрость», я чувствую себя свободной от обременительной и довольно неопределенной обязанности считаться с субъективными понятийными конструкциями. Поверить в старости в обещания, которые предлагают эти новые интерпретации, означает найти новое сияющее понимание прошлого. Расцветают любовь, преданность и дружба, печаль трогательна и смиренна, красота отношений глубоко согревает сердце. Взгляд в прошлое становится увлекательным занятием, а мое настоящее естественно и полно маленьких удовольствий, больших радостей, смеха.

Слова, которые раньше ложились тяжелым грузом на плечи стариков – «мудрость» и «цельность», понимаемые теперь более ясно, обретают уместность. От нас требуются энергия, энтузиазм и осознанность, чтобы наполнить отношения с другими людьми тактом и проникательностью. Придется адаптироваться. Каким бы испытаниям ни подвергались наши такт и мудрость, мы должны легко и с юмором принимать свои физические немощи. В молодости мы принимали свое здоровье как должное и получали от него удовольствие. Обладая слухом и зрением, мы обладаем привилегией; давайте же продолжать смотреть и слушать.

Старость опирается на опыт прошедших лет и пожинает его плоды, сохраняя осознанность и креативность с вновь обретенным изяществом. В старых людях часто можно заметить некую непреклонность. Эрик называл это качество «неизменным ядром» или «экзистенциальной идентичностью», то есть способностью интегрировать прошлое, настоящее и будущее. Оно выходит за пределы «я» и указывает на присутствие связи между разными возрастами. Оно универсально в принятии разных условий жизни человека. А людям иногда не хватает мудрости по отношению к самим себе и к планете. Мы должны осознать, как мало мы знаем, и, возможно, мудрость состоит в способности «стать как дети», которые, не стесняясь, готовы жить, любить и учиться. Что это означает для нас, стариков? Жизнь богата событиями. Доверяйте ей, как доверяют дети. Играйте самозабвенно. Пока есть товарищ по играм, играйте и смейтесь, вернитесь туда, откуда ушли много-много лет назад.

Стремление к мудрости и цельности – это активный процесс, не прекращающийся на протяжении всей жизни, как не прекращают действовать силы, формирующиеся на каждом из этапов жизненного цикла. Если это так, может быть, и нам следует надеяться и верить, что они длятся вечно?

Предисловие к первому изданию

Эта монография основана на эссе, которое Национальный институт психического здоровья попросил меня подготовить для трехтомника «The Course of Life, Psychoanalytic Contributions Toward Understanding Personality Development» («Ход жизни. Психоаналитика о развитии личности»). Данный материал представлен в нем вторым из двух вступительных глав под редакцией Гринспан и Поллока (S. I. Greenspan and G.H. Pollock, 1980). Первая глава написана Анной Фрейд и занимает всего десяток страниц, что говорит о четкости изложения мысли. Мое эссе занимает пятьдесят. Эссе А. Фрейд озаглавлено «Child Analysis as the Study of Mental Growth (Normal and Abnormal)» («Детский психоанализ в изучении нормального и абнормального психического развития») и начинается с представления оригинальной психоаналитической работы, проделанной в Вене, Берлине и Лондоне. В отдельном разделе кратко описаны «линии развития» – концептуальная схема, разработанная А. Фрейд и ее коллегами по клинике в Хэмпстеде (A. Freud, 1963). Эти «линии» идут от младенческой незрелости к надежным (при этом конфликтным) категориям поведения, ожидаемым от «нормального взрослого». Приведу несколько примеров: «от либидинальной зависимости к самостоятельности», «от эгоцентричности к партнерским отношениям», «от игры к работе». Как концепция, эта схема базируется на двух фундаментальных теориях психоанализа, а именно теории психосексуального развития и теории эго.

В моем эссе (1980(a)) была сделана попытка обрисовать «элементарные частицы» психоаналитической теории психосоциального развития. Прежде всего я обратился к тому, как постепенно в психоаналитической мысли развивалось понятие «внешнего мира» – я рассмотрел период начиная с моих первых шагов в обучении психоанализу, сделанных в Вене, и первых лет после переезда в США. Указав на комплементарный характер психосексуального и психосоциального методов и их связи с концепцией эго, я перешел к анализу соответствующих стадий жизненного цикла.

Возвращение к теоретическим положениям, которые высказывались когда-то на протяжении собственного профессионального пути в самом разнообразном контексте и по разным поводам, – дело неблагодарное как для автора, так и для читателя. Однако именно исторический аспект в предложении Национального института психического здоровья делал, как мне показалось, это начинание целесообразным. Отмечу, что подобный подход в психоанализе мог зародиться только в нашей стране и только в тот самый период – в беспокойные для мира тридцатые – сороковые годы, когда психоанализ стал широко востребован в медицинской практике, а также оказался в фокусе горячих междисциплинарных дискуссий. Эти дискуссии стали фундаментом, определившим центральную тему конференции в Белом доме, посвященной вопросам детей и юношества в середине XX века, на которой мы с Джоан Эриксон выступили с докладом «Growth and Crises of the Healthy Personality» («Развитие и кризисы здоровой личности») (1950).

Итак, я решил опубликовать, в случае необходимости дополняя и исправляя, то, что было написано для Национального института психического здоровья – с одной существенной поправкой: когда дело дошло до пересмотра (какой уже раз!) стадий жизни, я решил изменить последовательность изложения. Уже в главе, представленной в сборнике института, я начал анализ психосоциальных стадий не с детства, как это принято, а со стадии взрослой жизни. Идея заключалась в том, что, как только вы осознаете взаимосвязь всех стадий, вы сможете начать с любой стадии и найти любую из них на общей схеме. При этом зрелость – звено между индивидуальным и поколенческим жизненными циклами. В представленном здесь эссе я пошел еще дальше и начал обзор стадий жизни с последней стадии – старости и попытался понять, что есть заверченный жизненный цикл.

Но с чего бы мы ни начинали, центральная роль, которую играют стадии жизни в нашей психосоциальной теории, заставляет нас еще больше углубиться в вопросы исторического релятивизма. Так, если оглянуться назад, то становится ясно, что только последние (в момент написания) десятилетия заставили нас заново «открыть» старость – и тому есть теоретические и исторические причины. Эта стадия потребовала нового пристального взгляда, поскольку обнаружилось, что численность пожилого населения неизменно растет. Старость перестала быть привилегией немногих.

Ранее мы признали, наконец, что зрелость – это не финал всякого развития, а его стадия с присущими ей конфликтами (Benedek, 1959). До этого (и то лишь в шестидесятые годы, в период кризиса национальной идентичности, радикально отразившегося в общественном поведении части нашей молодежи) мы начали уделять всестороннее внимание кризису подростковой идентичности как центральному элементу динамики развития всего жизненного цикла (Erikson, 1959). И, как я сказал, лишь в середине века «здоровая детская идентичность» и все этапы младенческого развития, открытые лишь в XX веке, оказались в центре систематического внимания нации.

Знакомясь с этим эссе, читатель или читательница – каждый в свое время и со своей точки зрения – захочет, возможно, подвергнуть ревизии нашу попытку сформулировать концепцию жизненного цикла. Мы надеемся, что читатель увидит в заголовке скорее иронию, чем обещание исчерпывающего анализа идеальной человеческой жизни. На самом деле мы лишь стремились показать, что, когда говорят о жизни как о цикле, уже имеют в виду некую завершенность.

Но как каждый человек разовьет это в конкретный момент времени, зависит от его собственного теоретического уровня, а также от того влияния, которое оказали на него и его близких разные периоды жизни.

Возможно, наши сегодняшние представления слишком зависят от времени и от возраста. А если изменения диктуются временем и эпохой, сохранят ли наши определения свое оригинальное значение и свои связи с другими понятиями?

Я же могу лишь повторить на этих страницах определения и мысли в том виде, в каком они были тогда сформулированы нами, с присущей им сложностью, наводящей на размышления, но вместе с тем упорядоченной. Сложность эта, однако, сразу же стала источником продолжительного недопонимания. Я вновь представляю здесь эти определения и мысли, и, возможно, у моих читателей появится чувство, что они уже встречали тот или иной пассаж, и порой довольно длинный. Скорее всего, они будут правы: даже в этом предисловии я посчитал бессмысленным перефразировать то, что уже было когда-то удачно сформулировано.

И так получается, что мои благодарности также должны быть высказаны в последовательности десятилетий. Все, чему я научился у коллег, лучше всего представить в виде списка научных институтов, с которыми я имел честь сотрудничать как во времена психоаналитической практики, так и применяя эту практику в медицинских школах. В 1930-е годы я сотрудничал с Гарвардской психологической клиникой и Йельским институтом изучения человеческих отношений; в сороковые годы – с Институтом развития человека Калифорнийского университета в Беркли; в пятидесятые годы – с реабилитационным центром Остен Риггс в Беркшире. Все эти институты разрабатывали собственные инновационные методики, и я получил незабываемый опыт клинических исследований и изучения разных возрастных групп. И наконец, в шестидесятые годы я подготовил собственный курс для студентов «Цикл человеческой жизни» – что позволило мне поделиться моими разработками с большой группой безусловно одаренных молодых людей, в равной мере интересующихся как историей, так и жизнью человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.